

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ, СВЕРХ-ЗАДАЧЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЛИ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

Проблемы, возникающие при переводе произведений классиков философии на иностранный язык, опосредованы языковыми представлениями переводчика и его внутренним миром. При переводе философских текстов переводчик стремится соотнести внутренний мир философов, как часть великого наследия, и перенести его из одной культуры в другую как общее достояние. Подобная общность обеспечивается только тогда, когда перевод *явственно* наследует общие возможности родного языка.

Решимость переводчика к собственным языковым открытиям, восприятие опыта предыдущих переводов произведений того же автора, стремление разнообразить общий язык вызывают к жизни относительно устойчивый инвентарь стандартных способов перевода. С другой стороны, усилия переводчиков, работающих с произведениями одного и того же философа-классика, порождают конвергенцию наследия автора с духовным богатством национальной и мировой культуры с целью обновления и обращения к идеям, обозначенным не в рамках того, что еще совсем недавно воспринималось в качестве *mainstream* философского развития.¹

Стремление переводчика как-то выделиться при переводе философской классики своей эксклюзивностью и оригинальностью редко достигает своей цели. Подобная публицистичность и признание научным сообществом вступают в противоречие с вещами, которые являются непереводаемыми, но ясными и вовсе излишними для рассуждений о степени их научности.

Таким образом, философский перевод является неким усилием, при котором у переводчика довольно скоро вырабатываются навыки и открываются возможности вести дискуссию и воспринимать критику с тем, чтобы индивидуальный язык переводчика был признан и введен в общий язык всех переводчиков одной области знания.

Поиск подобного консенсуса в переводческой практике возможен ровно настолько, насколько возможно сосуществование в одном и том же мире одного языка, ведь существует не один общий мир, а множество партикулярных миров, в которых по замечанию Э. Гуссерля, живут люди с их «особыми мирами» (*Sonderwelten*). Каждый переводчик неизбежно

¹ Михайлов А.А. Послесловие к публикации. – В кн.: Ясперс К. Введение в философию. – Минск: ПроPILEE, 2000 (Схолия). – С.187.

ощущает свою причастность по отношению к языковым возможностям чужих миров, в которых он как носитель языка чувствует себя как дома.

Перевод текстов классиков немецкой философии на русский язык, активно развивающийся в последнее время, дает показательные примеры в его функциональных модификациях, сортах текста, открывающих подчас дивергирующие языковые возможности. Перед лицом богатства русского языка переводчик одновременно находится в сильной зависимости от того, как чувствовал бы себя автор переводимого труда в своем «внутреннем мире» (Heimwelt).

Соотношение между этим естественным настроением и многочисленными мирами находится под знаком глобального слияния человечества в начале нового века и перерастает в один из центральных вопросов современной феноменологии: в каком соотношении находится мир в своей противопоставленности между своим и чужим? Этот вопрос касается в равной мере "межкультурного" аспекта собственного культурно-языкового мира к миру чужого языка и культуры, а также "внутрикультурного" соотношения личного мира внутри общего мира языка и культуры. Задача переводчика по возможности учитывать *оба* этих основания и содействовать межкультурному общению и взаимопониманию, устанавливая мосты и зависимости между языковыми мирами, в том числе в рамках своей собственной культуры.

В современной феноменологической философии мы наталкиваемся на трудности интерпретации отношений между автором и переводчиком, а также того, какая картина возникает у людей на основе соответствующей переводческой интерпретации. Через «прочувствование» (Einfühlung) можно «опредметить» способ, подобно тому, как человек встречается с чем-то чужим, и что является опосредованным результатом такой встречи. Об этой асимметрии в отношении между чужеродным и личным между феноменологами достигнут достаточно четкий консенсус. Но под влиянием части феноменологии некоторые, вытекающие из этой асимметрии радикальные выводы, оспаривают единство одного мира и всех людей, говоря об изначальном единстве мира, об одинаково тоталитарной тенденции, так как, если бы эта мысль предполагала невозможность существования любых культурных различий в противовес глобальной монокультуре.

Перевод большинства понятий в немецком философском языке на русский в принципе возможен, поэтому и переводчик, исходя из общности одного жизненного пространства, идет на риск в поисках пути в мир чужого языка. Различия между до-языковыми значениями, универсальными во всех культурах, имеют общие, языковые «тождества» в зависимости от культуры и различий «языковых одежд» (Gewänder,

термин Клауса Хельда). В этом смысле деятельность переводчика состоит в соединении межкультурных значений с другими языковыми формами.

Трудность перевода некоторых философских текстов усугубляется еще и тем, что переводчик сталкивается как с задачей понимания мысли философа, так и с задачей более точного ее воспроизведения на чужом языке, ибо их мысли уже прочно укоренились в родном, а следовательно, любое перенесение той или иной единицы в иную языковую стихию неизбежно несет потерю полноты и цельности всего философского контекста. Задача переводчика состоит в том, чтобы в погоне за призраком адекватности или ее «тотальной» реконструкции, минимизировать этот урон, дав читателю только определенные, самые общие и заметные ориентиры в пространстве мышления философа.

Переводя мысль философа с иностранного (немецкого) на другой язык, нельзя не заметить, что мышление многих философов, в известном смысле, само является переводом мысли с привычного и устоявшегося языка, языка понятного и в этой понятности упускающего нечто чрезвычайно важное, на язык самой мысли. Читатель переведенных текстов в определенном смысле имеет дело с переводом, где переводчик не просто переводит с одного языка на другой, а пытается помочь увидеть, как в языке обретают новые возможности мысли, облеченные в бесконечные понятия и дефиниции.

Своеобразный, индивидуально-авторский понятийный аппарат, стремится к проникновению (в отличие от специальных философских терминов) в общий язык и, таким образом, представляет наибольшую трудность для переводчика. Слова и выражения как результат собственного языкового творчества, полностью соответствуют его духу, внутренней логике, которая, изначально глубже любой формальной логики и которая возможна только благодаря тому, что язык, речь, λόγος, прodelывает внутри себя определенную и решающую работу по истолкованию встречающегося нам сущего².

При каких же условиях возможен перевод *in concreto*? Феноменологический ответ гласит: все значительные языковые новации основываются на оригинальном опыте, порождающем сходства. Это тот опыт, способный в определенных условиях "уничтожить" и своими действиями низвергнуть кого-либо, представляет в своем стремлении к успеху типичный опыт «введения в заблуждение» (*Getäuschtwerden*).

Язык для философов XX века оказался реальностью, скрывающей тайны бытия. И экзистенциализм, и аналитическая философия, и герменевтика пришли в своих исканиях к раскрытию сущности языка как

² Коваль О.А. От переводчика. – В кн.: Мартин Хайдеггер. Положение об основании. Статьи и фрагменты. – СПб.: Алетей, 2000. – С.225.

к задаче мышления. Но при этом сохранилось принципиальное различие установок.³ Так, например, некоторые переводы обнаруживают совершенно различные схемы репрезентации. *Dasein*, одно из главных понятий раннего Хайдеггера, в переводах приводится в немецком написании, и именно в таком виде все чаще входит в русский философский лексикон. *Дазайн* обозначает непере译имый термин Хайдеггера, «бытие бытующего», «в той мере, в какой бытие обозначает бытие бытующего, именно бытующему направлен вопрос бытия». Что касается самого бытия, то оно как раз заключается в том, что оно есть здесь, в этом своеобразном бытии, которое является Дазайном. Именно Дазайн (Da-Sein – здесь-бытие), как ключевое понятие для рассмотрения любого существенного онтологического вопроса, может обеспечить составление фундаментальной онтологии. (Перевод Ю.Ф. Пучкова).⁴ Хотя немецкий термин в данном случае отчасти и нарушает ткань изложения, но такое его использование оправдано тем, что оно активно интерпретируется последователями Хайдеггера.

В своей работе переводчикам философских текстов приходится использовать достижения уже вполне состоявшейся традиции переводов. (См. переводы А. Михайлова, З. Зайцевой, А. Солодовниковой, В. Библихина, О. Ковалю и др.). Перевод, как бы искусен он ни был, не может передать живое бытие мысли, но должен указывать на содержащуюся в переводимом тексте постановку проблемы и пути, которыми автор идет к их решению.

Переводчик классических авторов призван действовать феноменологически, даже если он не привержен философскому «направлению», которое носит наименование «феноменология»: его задача «обнастоячить» оригинальный опыт чужого мира автора, из которого исходят рождаются существенные языковые формы; но сделать это можно только из своей особой внутренней (*heimweltlichen*) перспективы, поэтому и искать следует в своем собственном (типичном vs. оригинальном) опыте, в котором можно открыть хотя бы малую схожесть с чужим.

Этот "феноменологический" прием является корнем герменевтического искусства хорошего перевода. Хороший перевод философского текста заключается вероятно в положении о том, что переводчик невольно оказывается в про-свете между крайностями описанных выше миров, что дает ему промежуточную волю обходиться

³ Доброхотов А.Л. «Философия имени» на историко-философской карте XX века. – В кн.: Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С.9.

⁴ Цит. по книге: Хесс, Реми. 25 ключевых книг по философии. Пер. с фр. – Челябинск: Урал LTD, 1999. – С.295-296.

так или сяк с родным языком – ломать его, гнуть, скручивать, членить, отчасти «изобретать» и т.п.⁵

Искусству перевода противопоставлена т.н. «двойная подвижность»: не только как "межкультурная" подвижность между личным миром переводчика и чужим для него миром, но и как "интракультурная" подвижность, а именно готовность переводчика, искать не только внутри собственной культуры и «родном» мире, но и наоборот, в чужих мирах других представителей своей культуры.

Решимость переводчика к критической ревизии предполагает диалог с другими переводчиками, которые переводят произведения аналогичного окружения. О результатах поиска оригинального опыта «чужого мира» могут свидетельствовать их аутентичные «родственники» – переводы – правда, лишь в том случае, если они феноменологически ориентированы и сами заинтересованы в подобном опыте как таковом. Поэтому интракультурный феноменологический диалог между переводчиками тесно связан с межкультурным диалогом, который они а priori ведут с представителями «чужого» мира.

⁵ Верников А.С. Пред-и-слобие к переводу. – В кн.: Бимель, В. Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. – Челябинск: Урал LTD, 1998. – С. 7.